

Г. А. Камлевич, Сяо Кайсянь (Минск, Беларусь)

Китайская народная сказка: к вопросу изучения

Сказки являются важной духовной и культурной составляющей любого народа. В них отражаются социально-культурные ценности, формирующие национальную языковую картину мира. Сказки характеризуются традиционными образами, постоянными эпитетами, стереотипными единицами, оформляющими зачин и концовку, что свойственно и китайским сказкам, которые представляют большой интерес для изучения в лингвокультурологическом аспекте.

На сегодняшний день есть работы, в которых проводится исследование китайской фольклорной традиции в целом (Б. Л. Рифтин, И. Г. Баранов, М. Е. Кравцова, В. М. Алексеев, Э. Вернер, Лю Пили (刘丽莉), Чэнь Циньцзянь (陈勤建), Чжун Цзинвэнь (钟敬文) и др.), китайской мифологии в лингвистическом аспекте (С. М. Георгиевский, Г. Г. Стратанович, Э. М. Яншина, М. Е. Кравцова, Н. Т. Федоренко, И. С. Лисевич, Юань Кэ (袁珂), Гу Цзеган (顾则刚), Е Шусянь (叶圣陶) и др.), специфики китайской литературы вообще (Л. Д. Позднева, О. Л. Фишман, Л. З. Эйдлин, Н. А. Спешнев, Л. К. Павловская, К. И. Голыгина, Цзинь Юн (金庸), Мо Янь (莫言) и др.), китайских сказок в аспекте аксиологии и перевода (А. С. Новикова, Т. Н. Лобанова, С. А. Комиссаров, Фан Сучжэнь (方素珍) и др.), характеристики сказочных сюжетов и образов (Б. Л. Рифтин, Н. Н. Репнякова, Шэнь Яньбин (沈雁冰) и др.). Представлено сопоставительное изучение китайской и зарубежной этнографии и культуры (Н.И. Конрад, Ли Найкунь (李乃坤), Дун Гуаньцзе (盾广则) и др.), лингвистических особенностей русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте (Цун Япин (尊压冰) и др.), лингвокультурологической специфики русских и китайских волшебных сказок (Кун Ай Лин (昆爱玲) и др.).

Как и русские, китайские народные сказки подразделяются на сказки о животных, волшебные и бытовые сказки, легенды и сказы [1]. Сказки о животных малочисленны, что, по мнению Б. П. Рифтина, связано с ранним переходом китайцев к земледелию и забвением охотничьего промысла, а также с бедностью фауны в Китае [2]. Значительное место занимают волшебные сказки, которые имеют сложную архаическую основу, связаны с даосизмом и отличаются особой «приземленностью» сказочной фантастики, слиянием невероятного с реальным. В бытовых китайских сказках, среди которых есть сатирические, представлены общемировые сюжеты; особым здесь является наличие сказок о мудром судье и о глупости ученых-сюцаев. Китайские легенды, а также сказы мастеровых и искателей женьшеня рассказывают о трагической любви, о необходимости жертвоприношения духам, о происхождении архитектурных памятников и т. д. [2].

В китайских сказках, как и в фольклоре других народов, объясняется появление различных природных и культурных объектов, отдельных свойств животных и растений, этимология традиционных названий и т. д. Например: «Нет, Лун-тан, что ни говорите, – священный водоем, это – ход в жилище самого Лун-вана, князя дракона!» («Драконовый водоем»); «С тех пор у зайцев не хвосты, а обрубки. И сейчас говорят: Заячий хвост вовек не вырастет» («Заячий хвост»); «Ну, а станешь веселиться – вспомни про зайца с порванной губой!» («Как проучили лисицу»); «Вершины двух гор с той поры больше не соединялись. И до сегодняшнего дня они величественно возвышаются на противоположных берегах реки. Люди назвали их Горами Бессмертия» («Горы Бессмертия»).

Главная функция китайских сказок – учебно-воспитательная, а не развлекательная. Китайские сказки учат, что человек должен быть трудолюбивым, добрым, остроумным. Положительные герои китайских сказок получают волшебную помощь не просто за доброту характера, как русские персонажи, а в награду за собственное усердие и мастерство. Трудолюбие, смелость,

жертвенность, добродетельность, мудрость и почитание старших – эти качества закреплялись конфуцианской этикой и распространялись в народе [3], что отражается в китайских сказках: «Так и должно было случиться: ведь волшебную вещь можно заслужить только честным трудом!» («Волшебное коромысло»); «Если будешь усердно трудиться, удовольствие само найдет тебя» («В поисках удовольствия»); «У входа в храм две доски висят, на них начертано: «Слава тому, кто ради спасенья людей смело в огонь прыгнул!» («Богиня печи»); «Иди домой, но помни: надо быть благодарным всем, кто делает тебе добро, даже и маленькой птичке» («Гун Ечан»); «С той поры стали люди пуще прежнего мудрого судью почитать» («Как пытали каменную плиту»).

Как и в сказках других народов мира, в китайских осуждаются и наказываются зло, лень, жадность, нечестность и другие человеческие пороки: «А народ радовался гибели злого правителя и прославлял непобедимых братьев Лю» («Братья Лю»); «И тигр растерзал этих ленивых и жадных людей» («Волшебная тыква»); «Но если жадный богач захочет все захватить себе одному, разгневанное солнце сожжет его своими лучами» («Гора Солнца»); «Работник слез с дерева целым и невредимым. А помещик остался на дереве – он умер от голода, хотя карманы его были полны золота» («Жадный помещик»); «Какая-то пчела так ужалила судью в левый глаз, что он окривел на всю жизнь. Вот как был наказан нечестный судья» («Волшебный котел»).

Несмотря на сходство в содержании сказок, общий смысл у различных народов передается специфическими средствами. Это проявляется в описании деталей быта, культуры этноса в целом, в представлении психологических особенностей народа, в именах персонажей, в географических названиях. Так, в китайских сказках встречаем: «корзины из бамбука» («Как старец с горы Юньти помог людям»); «тростниковая хижина» («Как тигр кап-капа испугался»); «свадебный паланкин» («Как тигр невесту украл»); «за сюцаев замуж отдал» («Как три зятя тестя поздравляли»); «праздник Середины Осени» («Красная лилия»);

«чересчур он молод в ямыне сидеть» («Кто украл яйцо»); «Жил в Небесном дворце шэньсянь – бессмертный старец» («Небесный барабан»).

Многое из представлений китайцев о жизни можно узнать благодаря следующим отрывкам: «Была она пригожа и умна – не только драконов отменно рисовала и вышивала фениксов, знала еще иероглифы и старинные книги могла читать... Но как пойдешь, коли обычаи предков запрещают девушке одной отправляться в дальние края? И решила Ин-тай переодеться мужчиной... Пришла она к учителю, сперва поклонилась изображению Конфуция, потом самому учителю, напоследок с учениками поздоровалась... Мужчины, когда кланяются перед изображением Конфуция, сперва на левое колено становятся, потом на правое, а женщины – наоборот» («Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай, или Птички-неразлучницы»); «Маленький домик в роще стоит, дверь приоткрыта чуть-чуть, в щель видно, как девица при лампе шелк ткёт. На девице длинная юбка надета, будто темно-зеленый лotosовый лист в пламени лампы светится. В волосы, черные как воронье крыло, воткнул свежий бутон лотоса» («Мимоза»).

Персонажи китайских сказок имеют собственную историю, свои задачи, своих врагов и помощников. Имена героев, место и даже время происходящих событий реальны, как будто все было на самом деле: «Некогда в маленькой деревушке Уцзячжуан жил старик Лао Ли со своей старухой» («Финиковая косточка»); «Есть в провинции Шаньдун уезд Линьцзы, так вот, в южной его стороне, в селении Синьдяньчжэнь, на восточном краю стоит небольшой храм» («Богиня печи»); «В провинции Юньнань, где издавна живет народ И, есть большая гора Гуаньиньпань» («Волшебное коромысло»); «Недалеко от города Гирина есть старинный городок Улдагай... Когда Минская династия в Китае клонилась уже к упадку, а великий Тай-цзу Гао хуан-ди (Нурхаци), основатель священной Да-цинской династии, уже строил здание Маньчжурской империи и проводил почтовые тракты, то как раз около нынешнего Улагая была поставлена почтовая станция...» («Девица-воевода»).

В то же время и в китайских сказках представлено сказочное пространство и время: «Лежит в неведомых краях степь, десять дней на добром скакуне скачи – не обскачешь. Земля там – конца не видать, небо – глазом не объять» («Жены в зеркале»); «Рос в старину в неведомом краю лес, густой и дремучий. Уж и не знаю, сколько дней, сколько ночей надобно идти, чтоб от конца до конца пройти» («Золотая птичка и дух времени»); «Не знаю, в каком краю, не ведаю, в какие времена приключилась эта история. Да и не все ли равно? Может, далеко – там, где небо с землей сходятся. А может, близко – рукой подать» («Мимоза»).

В китайских сказках, как и в русских, много злых духов, нечистой силы. Но грань между злыми и добрыми духами в представлении китайцев нечеткая: они могут переходить друг в друга. Например, китайский персонаж Лунван (аналог русского водяного) может приносить людям как зло, так и добро. В европейской культуре дракон в большей степени связан со злом, является собирательным образом врага, в китайской – символизирует доброе начало; он доброжелательный, сильный, мудрый олицетворяет совершенство, энергию, прорыв, изобилие, процветание, удачу [4].

Китайские сказки отражают своеобразие устного народного творчества китайцев, которое разлилось на базе общемирового сказочного творчества и представляет особый интерес в процессе постижения культуры Китая и изучения китайского языка.

Литература

1. Новикова, А. С. Тексты китайских сказок в аспектах аксиологии и перевода / А. С. Новикова, Т. Н. Лобанова // Science Time. – 2014. – № 4. – С. 147–155.
2. Рифтин, Б. П. Китайские народные сказки: сборник / Б. П. Рифтин. – М.: Художественная литература, 1972. – 320 с.
3. Комиссаров, С. А. Дочь Царя Дракона: сказки народов Китая / С. А. Комиссаров. – Новосибирск: Изд-во Археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 304 с.

4. Цун, Япин. Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте / Япин Цун // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 1(17). – С. 67–70.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ